

Глава восьмая

НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА СВАЛИТЬ МЕНШИКОВА

Мы помним, с какой настойчивостью и бескомпромиссностью сопротивлялись Меншиков и Толстой восшествию на престол малолетнего Петра Алексеевича после смерти Петра Великого. Благодаря именно их стараниям и решительности трон заняла Екатерина. Однако спустя всего два года не кто иной, как Меншиков сделал все от него зависящее, чтобы императорской короной после смерти Екатерины был увенчан внук Петра Великого.

Столь решительное изменение позиции князя находит свое объяснение. Александр Данилович сумел добиться от императрицы исполнения своей заветной мечты: породниться с царствующим домом. Это желание было юридически закреплено завещанием Екатерины – «Тестаментом», пространный текст которого в угоду Меншикову составил, видимо, А. И. Остерман. Воля императрицы – несомненно, навязанная ей светлейшим – состояла в том, чтобы ее наследником стал великий князь Петр Алексеевич и чтобы он непременно женился на одной из дочерей Меншикова.¹ В случае исполнения этого условия Меншиков становился тестем императора и мог не опасаться мести за свое участие в гибели царевича Алексея. Более того, отроческий возраст Петра открывал перед светлейшим возможность стать неограниченным правителем страны и предоставлял условия утолить свою ненасытную алчность.

Намерения Меншикова вызвали протесты вельмож, знавших его крутой и деспотичный нрав и опасавшихся, что он низведет их до роли послушных исполнителей своей воли, а непослушных, в лучшем случае, отправит в ссылку.

Всесилие Меншикова в царствование Екатерины I особенно обстоятельно описал хорошо осведомленный о жизни двора прусский посол Мардефельд. 27 августа 1726 года он доносил королю: «Достоверно, что князь поддался своему высокомерию и злоупотребляет милостью, которой он пользуется до такой степени, что он завел такие порядки в гражданском и военном ведомствах и начал уже приводить их в исполнение, которое сделало бы его действительным правителем, а царице оставило бы только одно имя. Это дошло наконец до того, что он овладел всеми делами, касающимися высочайших помилований, и отправлял по денежным и другим важным делам в коллегии приказы, лишь им самим подписанные. Притом он завел деспотическое и жестокое правление и сделал этим неудовольствие столь общим, что конец мог быть весьма пагубным для всего государства, а наверное раньше всего для него самого». По словам автора депеши, князь сумел ожесточить против себя герцога и герцогиню Голштинских, а также принцессу Елизавету и сестру великого князя Наталью Алексеевну.²

Как ни старались сохранить в тайне завещание Екатерины, его содержание стало известно заинтересованным лицам. Еще в марте 1726 года Мардефельд доносил королю: «Сообразить себе не могу, до чего дошла вражда царского семейства против Меншикова». Спустя год, в марте 1727 года, когда план Меншикова стал достоянием принцесс, обе они «решились со слезами припасть к стопам царицы и не вставать ранее, пока последняя не согласится на лишение милости князя».

«В конце прошлой недели, – доносил Маньян 25 марта 1727 года, – обе принцессы на коленях умоляли государыню обсудить неминуемые гибельные

¹ ПСЗ. Т. 7. № 5070.

² Сб. РИО. Т. 15. С. 324.

последствия подобного распоряжения, всячески стараясь возбудить ее материнскую нежность, заставить ее отменить его. К ним присоединился и Толстой, с которым царица не посоветовалась раньше. Он еще энергичнее принцесс представил ей, какой непоправимый вред нанесет она себе и своему семейству, поставив притом и вернейших слуг своих не только в невозможность приносить ей отныне какую-либо пользу, но и в необходимость отшатнуться от нее. Ибо, говорил Толстой, он не может скрыть, что и сам предпочитает скорее погибнуть, чем ждать тех страшных последствий, которые он предвидит от подобного согласия; ему явственно представляется топор, готовый упасть на голову государыни и всех ее детей, чего, впрочем, заключил Толстой, ему, может быть, не придется увидеть».

Слезы дочерей и красноречие Толстого, казалось, убедили императрицу, и она отказалась от своего намерения. Но стоило Меншикову, проведавшему о состоявшемся разговоре, явиться к ней на тайное свидание, как он добился от нее «решительного подтверждения данного прежде согласия».³

Нам неизвестны доводы цесаревен и Толстого, пугавших Екатерину страшными последствиями брака великого князя и одной из дочерей Меншикова. Но вот ход мыслей Екатерины, в конце концов склонившейся к мнению светлейшего, узнаем из депеши того же Маньяна, отправленной в Париж за две недели до кончины императрицы: «...не только царица не боится опасных последствий своего поступка в пользу великого князя, но еще считает наилучшим из всех доступных ей средств прочно укрепить спокойствие своего правления. Ибо этим государыня, с одной стороны, успокоит сторонников великого князя, юность коего позволяет обвенчать его лишь весьма нескоро, с другой же, навсегда привязывает к себе князя Меншикова, которого очень основательно считает вернейшим слугой своим среди русских вельмож и на которого может положиться больше, чем на кого-либо». Читая этот текст, не представляет труда догадаться, что доводы, в нем изложенные, были внушены императрице Меншиковым.

Тот же довод встречаем и в донесении Мардефельда: «Меншиков нашел средство убедить царицу, что это послужит средством к лучшему преуспеванию кроткого и спокойного правления».

Спокойствие, на которое рассчитывали Меншиков, а вслед за ним и Екатерина в случае бракосочетания одной из дочерей светлейшего с великим князем, не могло не оказаться эфемерным. Признаки недовольства готовящимся браком обнаружилось сразу же после того, как слух о нем подтвердился. Виновником протеста против осуществления этого плана был, как это ни покажется парадоксальным, сам Александр Данилович.

Известны были его крутой нрав, беспощадность в расправе со своими противниками, его мстительность и злопамятство – нанесенные когда-либо ему обиды он не прощал. Светлейший не мог пожаловаться на малочисленность противников. Но он также хорошо знал, что подавляющее большинство их не решится поднять голос протеста, что из чувства страха они будут гнуть перед ним спину и заискивающе улыбаться, и поэтому действовал в привычной для себя манере – прямолинейно и не пренебрегая никакими средствами.

Смелости выступить против матримониальных планов Екатерины и Меншикова хватило у тех, кто считал себя неизбежной жертвой в случае, если светлейший станет тестем императора. Граф Петр Андреевич Толстой, генерал-полицеймейстер Петербурга (и, к слову сказать, зять Меншикова) граф Девиер, генерал Бутурлин и другие не могли не опасаться и мести Петра II. Вступив на престол и дождавшись своего совершеннолетия, он наверняка вспомнил бы имена

³ Сб. РИО. Т. 64. С. 529, 530.

тех, кто был виновен в гибели его родителя, царевича Алексея, а также тех, кто лишил его по праву принадлежавшей ему короны и вручил ее Екатерине. Заранее оговоримся, что протест сановников против своеволия светлейшего был крайне робким. Он ограничился лишь разговорами, но и этого Меншикову оказалось достаточно, чтобы жестоко расправиться с собеседниками.

Петр Андреевич Толстой – личность незаурядная. Именно его, своего бывшего союзника, Меншиков должен был опасаться более всего. В 1727 году Толстому было восемьдесят два года, но, несмотря на преклонный возраст, он сохранил ясный ум, изворотливость и склонность к интригам. Карьера Толстого складывалась в остросюжетном ракурсе: начинал он ее противником Петра, а заканчивал верным слугой. «Эх, голова, голова, не быть бы тебе на плечах, если бы не была так умна», – сказал как-то царь Толстому.

В отличие от неграмотного Меншикова Толстой превосходно владел пером, был человеком начитанным, в совершенстве знал итальянский. И еще одно отличие: Меншиков с молодых лет пользовался фавором царя, а Толстому удалось заслужить его доверие лишь в зрелом возрасте. Причиной тому стала ошибка, совершенная им в молодости, когда он имел неосторожность примкнуть к «партии» Милославских и активно участвовал на стороне царевны Софьи в Стрелецком бунте 1682 года, подстрекая стрельцов к расправе с Нарышкиными.

Убедившись в том, что поддержка Софьи не сулила ему ни вознаграждения вотчинами, ни успехов в карьере, Толстой переметнулся на сторону Петра, но тот к перебежчику долго не проявлял доверия, и Толстому пришлось прибегать к изворотливости, коварству, хитрости и унижительной услужливости для доказательства того, что он стал верным слугой царя. Чтобы угодить Петру, питавшему особую приязнь к людям, отправлявшимся за рубеж изучать военноморское дело, Толстой, будучи дедушкой, отправился в Италию волонтером. Судя по дневнику Толстого, его поездка за границу была своего рода жестом, ибо всерьез военно-морское дело и кораблестроение он не изучал, и хотя получил свидетельство об успешном его овладении, но плывал на корабле только в качестве пассажира. Дневник Толстого – убедительное свидетельство любознательности, наблюдательности и интереса автора к западноевропейской культуре, с которой он познакомился впервые.

Царь, надо полагать, был осведомлен, чем занимался волонтер в Италии, и считал целесообразным использовать его таланты не на флотской, а на дипломатической службе. Так, он отправил Толстого послом в Османскую империю, где тому пришлось преодолевать множество по-восточному хитроумных уловок, чтобы добиться уважительного отношения Османской империи к России.

Главная заслуга Толстого на дипломатическом поприще состояла в том, что он предотвратил нападение Османской империи на Россию в самый критический период Северной войны. Не менее важную услугу Петру Толстой оказал в 1716 году, когда вместе с гвардейским капитаном А. И. Румянцевым доставил в Москву беглого царевича Алексея. Толстой же возглавил следствие над царевичем в должности руководителя Тайной канцелярии – учреждения, занимавшегося политическим сыском.

В 1724 году Толстой блестяще выполнил роль главного распорядителя во время коронации Екатерины Алексеевны. Это оставило неизгладимый след в сознании признательной императрицы. Екатерина использовала Толстого в качестве противовеса безраздельному господству Меншикова, которым она иногда тяготилась.

Должно отметить, что Петр Андреевич не исповедовал высоких нравственных принципов и руководствовался девизом: цель оправдывает средства. Доказательством тому служит его расправа с людьми, находившимися в составе

русского посольства в Стамбуле. Когда Толстому стало известно, что один из его подчиненных принял магометанскую веру и нависла угроза разоблачения православных, оказывавших услуги посольству информацией о намерениях султанского двора, он пригласил вероотступника на беседу и угостил отравленным вином.

Коварство он использовал и в Неаполе, когда добился согласия возлюбленной царевича Алексея, крепостной девки Евфросиньи, уговорить царевича вернуться в Россию. За эту услугу Петр Андреевич обещал женить на ней своего сына. Выполнять это свое обещание он конечно же не собирался. Эти два случая подтверждаются источниками. Третий – его участие в отравлении Марии Кантемир и появлении у нее выкидыша – на уровне слухов.

Толстой, Девиер, Бутурлин и другие искали случая встретиться с Екатериной, чтобы раскрыть ей глаза на опасность превращения Меншикова в царского тестя. Причем опасность эта грозила не только лицам, причастным к гибели царевича Алексея и возведению ее самой на престол, но и ее собственным дочерям.

Но Екатерина не то что не хотела, уже не могла предпринять меры, ущемлявшие светлейшего, – она была прикована к постели и покорно выполняла его волю. Меншиков настолько верил в успех, что позволил себе не нарушать раз принятого распорядка. Во всяком случае при чтении своеобразного дневника Меншикова, который вел кто-то из его слуг, – «Повседневных записок» – невозможно уловить накануне смерти Екатерины ни накала страстей, ни проявлений напряженности. Лишь более частые, чем прежде, встречи с Остерманом предвещали какие-то тревожные события.

У Остермана был верный нюх. Он не подвел его и на этот раз. Барон правильно рассудил, что в данный момент перевес сил на стороне Меншикова, и, будучи опытным интриганом, не скупился на советы, помогая князю добиться успеха. В течение двух недель, предшествовавших смерти Екатерины, Меншиков встречался с Остерманом семь раз. Насколько светлейший нуждался в советах барона, можно судить хотя бы по тому, что четыре из семи свиданий состоялись не у Меншикова, а у Остермана: Меншиков снизошел до того, что, преодолевая княжескую спесь, сам наносил визиты.

Ведя конфиденциальные разговоры с Остерманом, Меншиков пристально следил за состоянием здоровья императрицы. Иногда он навещал терявшую сознание Екатерину по нескольку раз в день. Светлейший повелел, чтобы никто из нежелательных лиц не входил в ее покои. 24 апреля 1727 года Екатерине стало легче, и Меншиков успел подсунуть ей указ о создании следственной комиссии над Девиером, который, как ему стало известно от доброхотов, выступил против его плана породниться с царствующей династией.

В «Повседневных записках» арест Девиера описан с непривычными для этого источника деталями. Во втором часу дня Меншиков отправился к Екатерине «и, немного побыв, вышел в переднюю и приказом ее императорского величества у генерал-полицеймейстера графа Девиера изволил снять кавалерию и приказал гвардии караульному капитану арестовать и потом, паки побыв у ее императорского величества с полчаса, изволил возвратиться в свои покои».

Саксонский посланник Лефорт при описании этого драматического эпизода сообщил любопытную подробность: «К Девиеру, находившемуся в покоях дворца, явился караульный капитан и, объявив ему арест, потребовал от него шпагу. Девиер, показывая вид, что отдает шпагу, вынимает ее с намерением заколоть князя Меншикова, стоявшего сзади его, но удар был отведен».

Аресту Девиера предшествовал секретный разговор Меншикова с Д. М. Голицыным, состоявшийся в день ареста в первом часу. В этот же день за обеденным столом в покоях Меншикова сидели два будущих члена Учрежденного

суда над Девиером – Юсупов и Волков. По убеждению светлейшего, они должны были вынести угодный ему приговор.

Энергичные действия Меншикова, его встречи с «нужными» людьми объяснялись необходимостью в максимально короткие сроки, учитывая болезнь императрицы, завершить следствие и определить меру наказания обвиняемым, закрепленную именем Екатерины. Последующие дни светлейший провел не менее напряженно: 25 апреля он трижды навестил Екатерину, побывал в Петропавловской крепости и «изволил разговаривать тайно с бароном Остерманом».

Сохранились следы прямого вмешательства князя в работу Учрежденного суда, созданного для расправы над Девиером и другими его противниками. Так, Меншиков отправил суду два недатированных письма. В первом он изложил дополнительное обвинение в адрес Девиера. Оно состояло в том, что Девиер, как только императрица «изволит от сна востать», выпрашивал у девиц обо всем, что происходило в ее покоях. Однажды он задавал такого рода вопросы в бане, где Меншиков застал его «с некоторою девушкою».

Второе письмо касалось процедуры проведения следствия. Меншиков предлагал Г. И. Головкину, чтобы тот объявил всем членам суда о необходимости присягнуть, «дабы поступать справедливо и никому не манить и о том деле ни с кем не разговаривать». Князь предлагал начать следствие «завтра поутру» и предупреждал: «... а розыску над ним (Девиером. – *Н. П.*) не чинить», то есть к пыткам не прибегать.

Следствие началось 28 апреля. Девиеру во время первого допроса велено было ответить на 13 вопросов. На первый взгляд вопросы, как и ответы на них, серьезных опасностей допрашиваемому не сулили и касались только нарушения им придворного этикета. Первое и, вероятно, главное обвинение состояло в том, что в день обострения болезни императрицы, 16 апреля, когда все присутствующие во дворце должны были выражать скорбь, Девиер, напротив, демонстрировал веселое расположение духа и шутил, проявляя фамильярность по отношению к лицам царской семьи. Допрашиваемый разъяснил, в чем была причина веселья. Он назвал лакея Алексея, у которого попросил пить, Егором. Эта обмолвка вызвала смех у присутствующих, и среди них у великого князя Петра Алексеевича, потому что на зов генерал-полицеймейстера откликнулся придворный шут князь Никита Трубецкой, которого прозвали Егором. Смех – разумеется, неуместный – был вызван непреднамеренно и несколько разрядил напряженность.

Удалось Девиеру отвести и обвинение в непочтительном отношении к цесаревнам Елизавете и Анне. Граф разъяснил следователям, что Елизавете Петровне он «решпект» не отдавал, а при появлении Анны Петровны хотел встать, но цесаревна сама не только ему, но и всем присутствовавшим в покоях «вставать не приказала».

Согласно еще одному пункту обвинения, Девиер будто бы сказал рыдавшей Анне Петровне: «О чем печалился, выпей рюмку вина». Девиер заявил, что не помнит, произносил ли он подобные слова, но признал, что когда цесаревна села за стол и отведала вина, сказал ей: «Полно, государыня, печалитца, пожалуй и мне рюмку вина своего, и я выпью».

Решительно отказался обвиняемый от слов, будто бы сказанных великому князю Петру Алексеевичу: «Поедем со мною в коляске, будет тебе лутше и воля. А матери твоей (здесь: Екатерине. – *Н. П.*) уже не быть живой».

В ряде случаев, если верить Девиеру, следователи исказили его показания. Так, его обвинили в том, что он заявил великому князю, что за невестой, с которой у того состоялся сговор, будут «волочитца» поклонники. Девиер подал разговор в выгодном для себя свете: он, Девиер, «говаривал его высочеству часто, чтобы он изволил учиться. А как надел кавалерию – худо учился. А как зговорит женитца –

станет ходить за невестой и будет ревновать, учиться не станет». Разговоры эти, разъяснил Девиер, он вел, «чтоб придать охоту к учению ево».

Спрашивали Девиера и о фрейлине Софье Карлусовне. Обвиняемый показал: «Вертел ли вместо танцев плачущую Софью Карлусовну или нет, не упомяну, а такие слова, что не надобно плакать, помнитца, говорил, утешая». (Отметим, кстати, что заявление допрашиваемого «не упомяну» в судебной практике XVII–XVIII веков рассматривалось как полупризнание или признание справедливости предъявленного обвинения.)

На вопросы, подсказанные Меншиковым, Девиер показал, что он разговаривал с девушками «о здравии ее императорского величества, как изволила почивать и вставать». Что касается случая в бане, то о нем, заявил Девиер, он не помнит. Впрочем, он признал, что «з девушками и мужеским полом в бане сиживал и разговаривал». Кстати, допрошенная Учрежденным судом «придворная девица Катерина» признала, что имела разговор с Девиером в бане, но об «обхождении при дворе у нее не спрашивал».

Сняв допрос, члены Учрежденного суда немедленно отправились с докладом к императрице. Все ответы обвиняемого суд разбил на три группы, а именно: «которые слова не весьма важные, оные отчасти сказал он, что говорил только в противной какой разум»; о других сказал, что «не помнит, а что помнит и то другим образом»; о самых важных обвинениях сказал, «что того весьма не помнил».

Впрочем, все это не имело большого значения, ибо судьи, отправившиеся с докладом к императрице, вернулись с именным указом (пока еще устным), направившим следствие совсем в другое русло.

Выслушав заключение, императрица, – конечно же по подсказке Меншикова – устно «изволила повелеть ему, Антону Девиеру объявить последнее, чтоб он по христианской и присяжной должности объявил всех, которые с ним сообщники в известных причинах и делах, и к кому он ездил и советовал и когда, понеже де надобно, то собрание все сыскать и искоренить ради государственной пользы и тишины. А ежели не объявит, то его пытать». В подтверждение устного указа в тот же день Головкину «с товарищи» был направлен письменный указ за подписью Екатерины (а точнее, подписавшейся ее именем Елизаветы Петровны), подтверждавший их право на пытку: «Ежели он всех не объявит, то следовать розыском немедленно».

Поражает метаморфоза в судьбе Девиера, произошедшая в течение всего лишь одного дня. Первоначально речь шла о «предерзностных» поступках самого Девиера. Теперь заговорили о сообщниках, «к кому он ездил и советовал и когда». Вначале суть обвинений ограничивалась нарушением этикета по отношению к представителям царствующей фамилии. В конце дня речь шла о действиях, направленных «к великому возмущению», и, следовательно, о необходимости виновников «сыскать и искоренить ради государственной пользы и тишины».

Итак, Девиер росчерком пера превратился в опасного политического преступника, причем непосредственная связь между первыми показаниями обвиняемого и последней квалификацией его вины не прослеживается: ни из вопросов, ни из ответов на них не вытекало, что государству грозило «великое возмущение».

Тщетно искать в источниках объяснений происшедшему. Наиболее простым и вероятным объяснением случившегося может быть предположение, что Меншиков использовал арест Девиера в качестве повода для привлечения к следствию более значимых сановников, чем генерал-полицеймейстер столицы. Правильность догадки подтверждается тем, что в дальнейшем следователи как бы забыли о нарушениях Девиером придворного этикета и сосредоточили внимание на раскрытии заговора, направленного лично против Меншикова.

Не лишено оснований и другое объяснение. Меншикову было заведомо известно о замыслах Девиера, о существовании заговора, но он предпочел начать с обвинений в пренебрежении к представителям царствующей фамилии. Видимо, князь решил, что так ему легче будет убедить императрицу в необходимости начать следствие, а затем и суд. Меншиков понимал, что в данном случае важен первый шаг, а потом запущенная судебная машина придаст делу движение в угодном ему направлении.

Некоторый свет на причины поворота в следствии проливает показание княгини Аграфены Петровны Волконской, гофдамы императрицы, возглавлявшей оппозиционный кружок, в который входили персоны невысокого ранга.

Из показаний Волконской следует, что доверенное лицо Меншикова Егор Пашков обращался к ней 27 апреля с просьбой рассказать ему о том, «с каким доношением на его светлость господин Толстой хочет быть и доносить ее императорскому величеству». Рассчитывая на благосклонность Меншикова в определении своей судьбы, княгиня сообщила Пашкову сведения, значение которых трудно переоценить: «...Толстой говорил, якобы его светлость делает все дела по своему хотению, не взирая на права государственные, без совета, и многие чинит непорядки, о чем он, Толстой, хочет доносить ее императорскому величеству и ищет давно время, но его светлость беспрестанно во дворце, чего ради такого случая он, Толстой, сыскать не может».

Княгиня Волконская этим признанием не уберегла себя от опалы. Под 2 мая 1727 года в «Повседневных записках» читаем: «Сего числа дана дорожная княгине Волконской до Москвы и объявлено, что ее императорское величество указала ей жить в Москве или в деревнях своих, а далее чтоб никуда не ездить».

Сведения, полученные от Волконской, надо полагать, убедили Меншикова в том, что Девиер был не одинок, что из него можно вытянуть показания более важные, чем те, которыми он располагал на 28 апреля. Признания в те времена добывались пытками. В данном случае их применение тем более посчитали необходимым, что Девиер решительно отвергал причастность к делу других лиц: «Он никаких сообщников ни в каких известных противных делах у себя не имеет, и ни к кому он для советов и к нему никто ж о каком злом умысле и интересу ее императорского величества и государству не ездил и не советовал никогда».

Дыбу Девиер стерпел, продолжал утверждать свое, но вынести 25 ударов было выше его сил, и он признался, что ездил дважды к Бутурлину. Привлеченный немедленно к следствию старик-генерал не стал отрицать этого и сообщил содержание разговора. Девиер ему заявил:

– Светлейший князь сватает свою дочь за великого князя. Как бы то удержать, чтобы не было такой опасности высокому интересу ее императорского величества. А особливо опасно, когда светлейший князь с великим князем будут заодно, чтоб тою персону, которая в Шлютенбурге (Евдокию Лопухину. – *Н. П.*) не взяли сюда и ее величеству, государыне-императрице, какой худобы не было... И чтоб он, господин генерал Бутурлин, вкупе с адмиралом (Ф. М. Апраксиным. – *Н. П.*) и графом Толстым шли к ее величеству и о том предлагали.

Бутурлина не было необходимости убеждать. Он сразу же оценил меру опасности для себя, если наследником станет Петр Алексеевич – вспомним, что он привел ко дворцу, где решалась судьба трона, гвардейцев, которые по сути и вручили корону Екатерине, а не законному наследнику, внуку умершего императора. Собеседники также обсудили возможных преемников, остановившись на кандидатуре цесаревны Анны Петровны.

– Чаю, царевна Анна Петровна плачет, – говорил Бутурлин.

– Как ей не плакать, – согласился Девиер, – матушка родная.

Собеседники сошлись на том, что царевна походит на отца и должна стать

наследницей престола после смерти матери: она и умильна, и собою пригожа, и умна. Оба они были настроены против воцарения Елизаветы Петровны, младшей дочери императрицы.

– Она, – заметил Девиер, – тоже изрядная, только сердитее. Ежели бы в моей воле было, я желал бы, чтоб царевну Анну Петровну государыня изволила сделать наследницею.

Бутурлин согласился:

– То бы не худо было, и я бы желал.

Во время другой встречи Бутурлин продолжил начатый разговор:

– Светлейший князь усилится. Однако же хотя на то и будет воля, пусть он не думает, что Голицын, Куракин и другие ему друзья и дадут над собою властвовать. Нет! Они скажут ему: полно-де милейший, ты и так над нами властвовал. Поди прочь!

Высказал Бутурлин и личную обиду на светлейшего:

– Служу давно, явил свое усердие царю в ссоре его с сестрой Софьею Алексеевною. Но ныне Меншиков что хочет, то и делает, и меня, мужика старого, обидел: команду отдал, мимо меня, младшему и адъютанта отнял.⁴

Показания Бутурлина убедили Девиера, что отрицать свою причастность к противникам Меншикова – значит подвергнуться новым истязаниям. И он сообщил следствию бесценные сведения. Оказывается, к нему приезжал Толстой, который, убедившись в том, что его слова встретят у собеседника понимание, спросил:

– Ведаешь ли ты, что делается сватовство у великого князя на дочери светлейшего князя?

– Отчасти о том ведаю, а подлинного не ведаю. Токмо его светлость обходится с великим князем ласкою. Тому надобно противитца.

Толстой стал развивать мысль о грозившей им всем опасности и излагать план действий:

– Надобно о том доносить ее величеству со обстоятельством, что впредь может статца: светлейший князь и так велик в милости; ежели то зделаетца по воле ее величества – не будет ли государыне после того какая противность, понеже того бы захочет добра больше великому князю. Он и так честью любив потом зделает, и может статца, что великого князя наследником и бабушку ево (первую супругу Петра Великого Евдокию Лопухину. – *Н. П.*) велит сюда привести. А она нраву особливого, жесткосердна, захочет выместить злобу.

В отличие от Девиера и Бутурлина Толстой скорее хотел видеть на престоле цесаревну Елизавету. План его состоял в том, чтобы Екатерина «для своего интереса короновать изволила при себе цесаревну Елизавету Петровну, или Анну Петровну, или обеих вместе».

А как быть с царевичем Петром Алексеевичем? У Толстого и на этот вопрос был ответ:

– Как великий князь научитца, тогда можно ево за море послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, как и протчие европейские принцы посылаютца, чтоб между тем могли утвердитца здесь каранация их высочеств.

3 мая Толстому был объявлен домашний арест. На следующий день аресту подвергли Бутурлина. К следствию, кроме названных лиц, были привлечены Скорняков-Писарев, Долгорукий и др.

Среди обвиняемых самой колоритной и авторитетной фигурой был Петр Андреевич Толстой. Ему было предложено ответить на 14 вопросов. В своих ответах

⁴ См.: Ковалевский Е. П. Суд над графом Девиером и его соучастниками // Собр. соч. Т. 1. СПб., 1871. С. 193, 194.

Толстой либо подтверждал, либо уточнял, либо отклонял показания других обвиняемых, либо, наконец, объяснял свое поведение и поступки. Он подтвердил свою главную вину: намерение отстранить великого князя Петра Алексеевича от престола и провозгласить наследницей Елизавету Петровну. Руководствовался он прежде всего личной безопасностью: по указу Петра Великого «привез он царевича Алексея Петровича из южных краев в Россию. И когда о том деле были розыски, у тех розысков по указу его же величества был... Того ради опасался чтоб... не припамятовано было впредь».

Обеспечением личной безопасности руководствовался и Г. Скорняков-Писарев – главное действующее лицо в так называемом Суздальском деле: это он доставил в Москву первую супругу Петра I, инокиню Елену, в миру Евдокию Лопухину, а также ее переписку с любовником и лиц, способствовавших нарушению монашеского обета бывшей супруги царя.

Между тем здоровье Екатерины с каждым днем ухудшалось. Меншиков же был заинтересован в том, чтобы приговор обвиняемым объявила императрица. Поэтому он подстегивал усердие следователей указами, якобы исходившими от Екатерины, о скорейшем окончании следствия. 4 мая членов Учрежденного суда вызвали во дворец, где им был объявлен устный указ, «чтобы к будущей субботе изготовить к решению экстракты из всего дела и приличные указы как из воинских, так и из штатских прав». 5 мая устное повеление было оформлено письменным указом, причем сроки еще более ужимались. Указ предложил сентенцию (приговор) дела «доложить нам кончая в день сего месяца поутру».

Нарушая все правила следствия и судопроизводства того времени, Учрежденный суд круглосуточными усилиями канцеляристов состряпал экстракты, то есть краткие резюме допросов обвиняемых, и сентенции, написанные четырьмя разными почерками. Успели закончить дело не к утру, а к трем часам дня 6 мая. В тот же день Екатерина скончалась. И тем же днем 6 мая датирован приговор, подписанный от имени Екатерины ее дочерью Елизаветой. Вместо милосердия, которое по обычаю перед кончиной проявляли государи, приговор, стараниями Александра Даниловича, содержал жесткие меры наказания в отношении виновных.

Главная вина осужденных состояла в том, что они, зная «все указы и регламенты, которые запрещают о таких важных делах, а наипаче о наследствии не токмо с кем советовать, но и самому с собою разсуждать и толковать, кольми же паче дерзать определять наследника монархии по своей воле, кто кому угоден, а не по высокой воле ее императорского величества», противились этой воле. Поэтому они «за изменника почтены» и подлежат смертной казни и анафеме.

Вторая вина связана со сватовством великого князя. В сентенции написано, что все «персоны, которые тщились не допускать до того (свадьбы. – *Н. П.*), весьма погрешили как против высокой воли ее величества, так и во оскорблении его высочества великого князя». Наконец, вина подсудимых состояла в том, что «все вышенаписанные злые умыслы и разговоры чинены были от них по их партикулярным страстям, а не по доброжелательству к ее императорскому величеству». Так, «граф Толстой сказал, что боялся великого князя, а прочие сказали, что боялись усилования светлейшего князя».

Из процедуры следствия явствует, что обвиняемые ограничились разговорами и никаких шагов к осуществлению своих намерений, то есть к действиям, не предпринимали. Но уголовное право того времени не делало различий между умыслом, то есть намерением, и действием, то есть реализацией умысла, и определяло одинаковую меру наказания как за первое, так и за второе.

Определенные судом наказания были суровыми: Девиера и Толстого «яко пущих в том преступников казнить смертию»; генерала Бутурлина, лишив чинов и данных деревень, отправить в ссылку в дальние деревни; князя Ивана Долгорукого

«отлучить от двора» и понизить чином, написать в дальние полки. Прочим обвиняемым Учрежденный суд определил ссылку, понижение в чинах и т. д.

В указе, подписанном именем Екатерины, мера наказания была смягчена. Толстому и Девиеру сохранялась жизнь, причем первому определялась ссылка в Соловецкий монастырь, а второму – в Сибирь. Просьба родной сестры Александра Даниловича, Анны Даниловны, супруги Девиера, была оставлена без внимания. Анна Даниловна обратилась к брату с челобитной: «Светлейший князь, милостивой отец и государь, приемляю я смелость от моей безмерной горести трудить вас, милостивого отца и государя, о моем муже, о заступлении и милостивом предстательстве к ея императорскому величеству, всемилостивейшей нашей государыни, дабы гнев свой милостиво обратить изволила». Ответа не последовало.

Представляют известный интерес некоторые детали следствия и поведение в эти дни Меншикова. Во-первых, Учрежденный суд так спешил закончить следствие, что не использовал всего перечня приличествующих такой процедуре приемов: очных ставок, пыток, повторных допросов и т. д. Меншиков был заинтересован не в установлении истины, а в скорейшем завершении дела. Так, остались невыясненными разноречия в показаниях Толстого и Бутурлина. Нуждались в проверке показания княгини Волконской о намерении Толстого проникнуть в покои императрицы, чтобы донести ей о самоуправстве Меншикова. До конца неясным остался и вопрос о привлечении к заговору адмирала Федора Матвеевича Апраксина – Учрежденный суд пропустил мимо ушей наветы на него. Без внимания суда оказались и слова Бутурлина о том, что член Верховного совета Д. М. Голицын пошлет Меншикова «прочь», если узнает о браке великого князя и дочери светлейшего.

Во-вторых, ни в экстрактах, ни в сентенциях, ни наконец в именном указе императрицы от 6 мая не упомянут герцог Голштинский, хотя его имя то и дело встречалось в показаниях обвиняемых. Из этих показаний следует, что заговорщики уповали на герцога прежде всего как на передаточную инстанцию. Именно он и его супруга как родственники императрицы должны были рассказать ей о том, что затея Меншикова со сватовством ущемляет интересы ее дочерей, а объявление наследником великого князя закрывает им путь к престолу. Герцог также мечтал, если верить показаниям Толстого, стать президентом Военной коллегии, то есть утвердиться в должности, которую занимал Меншиков. С герцогом вели доверительные разговоры многие из привлеченных к следствию, он был в курсе всех их намерений и даже предупреждал их о возможной гибели в случае неудачи в заговоре: «...ежели ея императорское величество прекратит жизнь без завету о наследстве, и мы все пропадем».

Третья любопытная деталь относится к поведению Меншикова в кризисные дни, когда агонизировала императрица и когда велось следствие над заговорщиками. Проследим его действия и поступки по «Повседневным запискам», начиная со дня ареста Девиера 24 апреля и кончая смертью императрицы 6 мая. В том, что Меншиков в эти дни часто навещал императрицу и находился в ее покоях по несколько часов, нет ничего удивительного – медики обрекли Екатерину на неизбежную скорую смерть, и князь должен был зорко следить за тем, чтобы к ней никто не проник и не изменил принятых решений. Нет ничего удивительного и в частых свиданиях с Остерманом, в советах которого он постоянно нуждался и к которым прислушивался.

Легко объяснимы и ранее не наблюдавшиеся встречи с великим князем Петром Алексеевичем, его сестрой Натальей Алексеевной, а также цесаревнами Елизаветой и Анной Петровнами и герцогом Голштинским; первых он завораживал лаской, любезным обхождением, а у остальных усыплял бдительность своим вниманием и щедрыми обещаниями. Не относятся к числу загадок и встречи Меншикова с Г. И.

Головкиным, Д. М. Голицыным, с майором Семеновского полка А. Я. Волковым, поручиком кавалергардов И. И. Дмитриевым-Мамоновым, майором Преображенского полка князем Г. Д. Юсуповым и петербургским комендантом Ю. И. Фаминцыным – все они были или должны были стать членами Учрежденного суда. Первых он уговаривал войти в состав суда, а вторых, зависимых от него по службе, инструктировал, как вести себя в суде и какой приговор для него желателен.

Удивляет другое – в эти двенадцать дней князь почти не изменил привычного распорядка дня, которого он придерживался в течение многих лет: вставал в шестом или седьмом часу утра, ложился в десятом или одиннадцатом вечера. Очевидно, он был абсолютно уверен в своей победе.

В целом же надо сказать, что расправа с Толстым, Бутурлиным, Девиером и другими принадлежит едва ли не к самым значительным промахам Александра Даниловича. На первый взгляд может показаться, что, отправив противников в ссылку, светлейший укрепил свое положение, ибо соперники были сметены и он без помех мог осуществить мечту жизни. В действительности же Меншиков не укрепил, а ослабил свои позиции, так как ссылкой недавних союзников он создал вокруг себя вакуум – ему теперь не на кого было опереться, и он остался наедине с Остерманом, состязаться с которым в умении плести интриги ему не доставало ни ловкости, ни характера.